

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИННОКЕНТИЙ (ВЕНИАМИНОВ)

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА,
кандидат филологических наук

В ряду государственных деятелей, трудами которых Россия укрепляла свои позиции на тихоокеанском побережье, видное место принадлежит Преосвященному Иннокентию (Ивану Евсеевичу Попову-Вениаминову), архиепископу Камчатскому, впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому, причисленному к лику святых Поместным собором Русской православной церкви в 1977 г.¹ В последние годы появилось немало работ об этом замечательном человеке, но надо сказать, что большинство из них посвящено его деятельности в Русской Америке, значительно меньше публикаций связано с периодом жизни в Благовещенске, и далеко не все они дают представление о чисто личностных качествах Святителя Иннокентия. Более того, изыскания недавнего времени свидетельствуют, что официальное жизнеописание² не во всем соответствует реальной биографии. В частности, согласно официальной версии, Иван Попов родился в 1797 г. По данным же О.Д. Якимова, полученным в архивах Иркутска и Джуно (штат Аляска), годом его рождения следует считать 1795 или даже 1794 г.³ И хотя с конца 1980-х по настоящее время прошло несколько научных конференций (как в нашей стране, так и за рубежом), посвященных выдающемуся россиянину, в описании его жизненного пути до сих пор имеются «белые пятна».

Несомненно одно: уроженец сибирской деревни Анги, сын пономаря (или дьяка, по другим источникам) Евсевия Попова прожил долгую и достойную жизнь (умер в 1879 г.), успев многое сделать на благо Отечества. Достопамятной остается его миссионерская деятельность на Алеутских островах. Преосвященный всемерно способствовал распространению христианского учения на языках новообращенных народов. Он перевел на алеутский язык Евангелие от Матфея и наиболее употребительные молитвы, составив азбуку на основе славянской письменности. Под его руководством и при непосредственном участии Священное Писание было переведено также на якутский язык.

Нет ничего удивительного в том, что Русская православная церковь не забыла одного из самых славных своих сынов, но показательно, что и светская научная мысль отдавала ему должное, поскольку имя этого человека увековечено также благодаря его этнографическим и лингвистическим трудам. Написанная им Грамматика алеутского языка, по мнению исследователей, вышла за круг привычных представлений, базировавшихся главным образом на нормах европейских языков, и открыла «дверь в непознанный огромный мир Северо-Американского континента»⁴. То же относится к этнографическим «Запискам об островах Уналашкинского отдела». Наблюдения и размышления исследователя использовались отечественными учеными при подготовке обобщающих

трудов, посвященных коренным народам Северной Америки — индейцам и алеутам⁵. Объективную оценку его научной деятельности можно найти и в других работах⁶. В связи с этим броские газетные заголовки вроде «Неизвестный российский ученый»⁷, появившиеся в начале 1990-х годов, представляются несколько некорректными.

Дальневосточникам Святитель Иннокентий должен быть памятен прежде всего тем, что в значительной степени благодаря его усилиям азиатская граница России приобрела свой нынешний вид. Его имя по праву стоит рядом с именами графа Н.Н. Муравьева-Амурского и адмирала Г.И. Невельского⁸. Не случайно опальный граф, собираясь навсегда покинуть Россию, был весьма тронут письмом Преосвященного Иннокентия, поздравлявшего его с 10-летием возвращения Амура. Н.Н. Муравьев-Амурский писал М.С. Корсакову: «Митрополиту Московскому Иннокентию я отвечал на его письмо на встречу с Раstopчиным, и если он не переменится в Москве, то поеду туда повидаться с ним в июне»⁹. Опасения графа, что архиепископ Камчатский может «перемениться» в Москве, были связаны со скептическим взглядом многих из власти имущих в России того времени на присоединение к стране восточных земель. Не соглашавшийся с такой оценкой дела своей жизни Н.Н. Муравьев-Амурский прослыл «человеком непримиримой оппозиции»¹⁰, но в лице митрополита Московского и Коломенского он всегда имел понимание и поддержку, о чем, в частности, свидетельствует полученное поздравление.

Существует мнение, что интерес к Приамурью и мысли о просвещении населяющих его народностей возникли у архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского (возведен в сан в 1850 г.), когда он участвовал в разрешении Амурского вопроса. Однако из переписки Преосвященного видно, что стремление распространить свет православного учения на южные окраины Дальнего Востока России возникло у него значительно раньше. В письме, датированном 16 июля 1847 г., он пишет о желании некоторых тунгусов принять святое крещение и сообщает, что часть из них готова даже платить ясак и принять российское подданство. Далее задает вопрос: крестить ли «инородцев», «принадлежащих китайскому государству», но добровольно пришедших в наши границы. Для разрешения этих проблем Иннокентий направил запрос в Святейший Синод¹¹.

Еще находясь в Америке, он задумал перенести архиерейскую кафедру на Азиатский материк: согласно первоначальному замыслу — в Аянский порт, начальником которого был Г. Завойко. В Аяне была оснащена церковь во имя Богородицы Казанской: «Создание этой церкви почти беспримерно тем, что она построена прежде, чем самые жилища обитателей»¹². До официального учреждения Амурской области Аян, наряду с Якутском, считался резиденцией архиепископа Камчатского. Как известно, с 1859 г. местом его пребывания стал новый город Дальнего Востока — Благовещенск, в основании которого также есть немалая доля трудов Святителя Иннокентия.

Деятельность Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского показала, что возникла потребность учреждения новой миссии в низовьях Амура, «в земле гиляков». Иннокентий (Вениаминов), как уже отмечалось, предвосхитил такое течение событий. В письме генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву от 4 августа 1851 г. говорится: «Об устройении зимовья близ устья Амура и о заселении там русских я прошедшего года в июне (т. е. в 1850 г. — Л.Ф.) писал к С.-Петербургскому Митрополиту партикулярно... и просил его разрешения: может ли священник, имеющий посещать это зимовье, обращать свою проповедь к туземцам? или может ли он крестить тех из язычников, которые сами будут просить о том?»¹³ Преосвященный считал это настолько важным, что аналогичное письмо направил и обер-прокурору Синода. К сожалению, ни на одно из этих посланий он своевременно ответа не получил. В июле 1852 г. он вновь пишет обер-прокурору Святейшего Синода графу Н.А. Протасову о необходимости устройства на Аму-

ре особой архиерейской кафедры¹⁴. Переписка еще раз подтверждает, что перед нами выдающийся государственный деятель, для которого проповедь слова Божия и укрепление границ России были неотделимы друг от друга.

Оценивая религиозно-просветительскую миссию Святителя Иннокентия, чаще всего обращаются к «экзотической» стороне его деятельности — к работе с коренными народами Азии и Америки. Вместе с тем немало забот доставляла и русская паства. Епархия осваивалась не только сторонниками официального вероисповедания. Известно, что Сибирь, включая ее восточные территории, служила местом ссылки, а затем и добровольного поселения разного рода антагонистов государственной церкви. Среди них большой процент составляли старообрядцы. Энергичный архиепископ Камчатский еще в 1852 г. думал о том, как смягчить противостояние конфессий, и запрашивал Синод о принципах приема «раскольников» в единоверие: «Ныне на Аянский тракт по реке Мае переселяется весьма значительное число раскольников из Забайкала. На будущий год, ежели поеду в Якутск, по необходимости я должен буду с ними встречаться и, следовательно, говорить... Сделайте снисхождение и милость, Сиятельный Граф, прикажите, кому следует, сообщить мне для руководства все необходимые для сего правила и узаконения»¹⁵. «Единоверие» представляло собой неудавшуюся попытку компромисса между официальной церковью и старообрядчеством, приемлющим священство. Неудача в значительной степени была обусловлена недостаточной гибкостью Синода, хотя наиболее дальновидные иерархи церкви готовы были пойти на уступки, чтобы сгладить противостояние между конфессиями. Трезвый и гибкий ум Преосвященного позволял ему объективно оценивать ситуацию: было ясно, что без помощи таких колонистов, как староверы, России трудно освоить обширные и малонаселенные восточные земли¹⁶.

Впоследствии в Благовещенске Преосвященному пришлось иметь дело с представителями старорусского сектантства, называвшими себя «духовными христианами» (молоканами, духоборами). По мнению местных властей, амурские сектанты были весьма полезны в деле хозяйственного освоения области и старались не создавать конфликтных ситуаций. Однако бывали случаи почти анекдотические. Один из них получил особую известность и пересказывался неоднократно. Дело заключалось в следующем: староста с Астраханки Кирик Попов взял подряд на поставку дров для архиерейского дома и духовной консистории, но не смог его выполнить. Чтобы избежать неприятностей, он распространил слух о скором своем вознесении на небо. Когда этот слух достиг архиерейского подворья, в консисторию поступил документ такого содержания: «Пока духобор Астраханского селения Кирик Попов не улетел на небо, снести с полицейским управлением для действия с ним по закону за невыполнение контракта»¹⁷. Жители Астраханки вскладчину оплатили неустойку. Приведенный случай подтверждает верность характеристики, данной Преосвященному современниками: «Очень умен, знает много и не подавлен схоластикою...»¹⁸

Иннокентий, Епископ Алеутский. 1840 г.

Иннокентий, Митрополит Московский
и Коломенский. 1870-е годы

старшего сына, с позором уволенного из Вифанской семинарии. В ответ на письмо знаменского архимандрита Митрофана (Воронцова), к которому сын епископа Камчатского был послан «на исправление», Преосвященный пишет: «Напрасно он хочет ко мне, я ни за что не дам ему ни малейшей должности... Но это отнюдь не значит, что я отрекаюсь от него, нет, где бы он ни был, хоть с краскою в лице, но всегда назову его сыном своим...» Особенно трогают душу заключительные строки: «Господа ради, умоляю Вас, не оставьте его...»²⁰ И далее отмечает, что никого не винит в судьбе сына: «...Если Господу угодно наказать меня им, буду сносить с всевозможным терпением»²¹. Когда видишь портреты Преосвященного, написанные в разные годы жизни, и сравниваешь их, невольно приходишь к мысли, что не труды на обширной Камчатской епархии с ее суровым климатом и отсутствием дорог погасили блеск глаз будущего митрополита Московского и Коломенского. По этой стезе он шел с радостью. Но как человек Иннокентий Вениаминов в полной мере испил чашу земных горестей.

К сожалению, сведения о личности такого ранга чаще доходят до потомков в форме жизнеописания, создаваемого по канонам, приглушающим наиболее яркие индивидуальные черты. К тому же надо помнить, что реальная судьба любого человека складывается не только из событий крупного масштаба. Личностные качества Святителя Иннокентия, определившиеся достаточно рано, представляют особый интерес. Понять его как человека помогает эпистолярное наследие. Дореволюционный биограф Преосвященного И. Барсуков составил солидное собрание его писем, остающееся непревзойденной источниковой базой для нескольких поколений исследователей. Однако бытовой аспект этой переписки долгое время не привлекал внимания. Т.С. Шульгина одной из первых оценила перспективность такого анализа писем²². Отметим она и великопение языка Иннокентия (Вениаминова), посетовав на то, что особенности его стиля не могут быть рассмотрены в рамках ее статьи.

Попробуем восполнить этот пробел, чтобы еще раз убедиться, как много значит природная одаренность. Однако, к слову сказать, сам Преосвященный ценил в людях не столько ум и образованность, сколько «усердие и доброе

Сам Преосвященный обладал развитым чувством ответственности и не нарушал данного слова. При этом он мог быть снисходительным к тем, кто, по его мнению, того заслуживал. Как правило, это были язычники, которых еще не коснулся свет истинной веры. Например, разбирая междоусобицу среди колошей (индейцев-тлинкитов), он оправдывал их, отмечая, что они действовали в соответствии со своими древними представлениями, но всегда требовал сурового наказания для тех, кто, будучи призванным нести свет истины, нарушал законы божеские и человеческие. Так, во время поездки по епархии он лишил сана священника, уличенного в прелюбодеянии, вывел за штат другого служителя церкви, допускавшего притеснение прихожан¹⁹.

Столь же непреклонен был Преосвященный по отношению к самым дорогим ему людям, если они преступали нормы нравственности. Свидетельством тому служит судьба его

сердце», о чем и писал сыну Гавриилу²³. Понимая безусловную ценность жизненного опыта, Преосвященный высказывал соображения о необходимости введения возрастного ценза (не ранее 30 лет) при посвящении в иереи. Показательно, что далее в пылу полемики он бросает следующую фразу: «Но скажите, что теперь препятствует исполнить это в совершенной точности, когда у нас кончалых (т. е. окончивших духовную семинарию. — **Л.Ф.**) более, чем коней чалых?»²⁴ Обращение к образности народной речи не единично и не случайно. В деле томского священнослужителя, на которого поступало множество жалоб, находим следующее заключение: «Вся его ошибка происходит оттого, что он слишком ревностен, и оттого часто за мухой — с обухом»²⁵. Или, отчитываясь в 1855 г. о поездке по епархии, архиепископ Иннокентий пишет о невозможности попасть на Амур в связи с военными действиями (речь идет о Восточной кампании 1854—1856 гг.): «Итак, можно сказать, что я ныне ездил не пошто и привез ничего...»²⁶

Иконописное изображение
Святителя Иннокентия

Многое становится понятным, если вспомнить, что место его рождения — сибирское село Анга, основное население которого составляли простые люди, хранившие фольклорную культуру и неповторимый колорит русского языка. Не случайно, именно в Анге в 1920-х годах известный фольклорист М.К. Азадовский записал прекрасные в своей безыскусности образцы народного творчества. Из этого селения вышел первый крестьянский историк России А.П. Щапов; там же прошли юношеские годы академика А.П. Окладникова.

Преосвященный умело использует народные присловья и поговорки, но при этом всегда виден стиль высокообразованного человека. Автор органичен и естествен как в официальной переписке, так и в сердечных дружеских посланиях. Одному из своих постоянных корреспондентов он пишет: «От Петропавловска до Охотска проехал я более 500 верст на собаках и отчасти на оленях, а лошадей даже не видал. Повозочку, в которой я ехал, очень можно назвать гробом, только, вместо холста или миткалю, внутри она обита медвежатиной»²⁷. Эпистолярное наследие Иннокентия Вениаминова является замечательным памятником русской словесности XIX в.

Святитель Иннокентий входил в плеяду замечательных личностей, рожденных «золотым веком» русской культуры. Он жил в эпоху, которую далекие потомки назовут «пушкинской», и был всего на два года старше великого поэта. Несмотря на то, что при жизни пути этих сынов России не пересекались, попытаемся обнаружить какие-нибудь свидетельства, позволяющие соединить их имена хотя бы посмертно. Когда в 1823 г. отец Иоанн Попов-Вениаминов дал согласие направиться в Русскую Америку, Александр Пушкин был уже достаточно известен. Думается, его имя знал и священник с далекой окраины — один из образованнейших умов своего времени. К сожалению, у нас нет данных о существовании обратной связи. Однако есть основания предполагать, что личность священника с Алеутских островов не осталась вовсе неизвестной Пушкину, который, как и его друзья-декабристы²⁸, прояв-

лял интерес к колонизируемым землям. При этом он получал информацию не только из письменных источников. В частности, непосредственными наблюдениями с Пушкиным мог делиться один из его лицейских друзей Федор Матюшкин, который участвовал в экспедиции барона Врангеля по обследованию берегов Восточной Сибири (1820—1824).

В начале XIX в. образованное сословие в России представляло собой достаточно узкий круг, и в этом кругу судьба Русской Америки порой становилась темой общих разговоров. Существует мнение, что в столичном обществе Пушкин мог встречаться с адмиралом Ф.П. Литке, мировую известность которому принесло кругосветное плавание на шлюпе «Сенявин» (1826—1829). Тогда и произошло знакомство Ф.П. Литке и миссионера с Алеутских островов. Известно также, что некоторые дворянские фамилии оказывали постоянную благотворительную помощь русской миссии в Америке. Среди корреспондентов Иннокентия (Вениаминова) находим членов старинного семейства Шереметевых (Шереметьевых). Надежда Николаевна Шереметева (1775—1850), тетка поэта Ф.И. Тютчева и мать жены декабриста И.Д. Якушкина, была доброй знакомой А.С. Пушкина²⁹.

Судьба Святителя Иннокентия — яркое свидетельство того, что в XIX в. уроженцы Азиатской России выходят на политическую арену и начинают играть заметную роль в истории Отечества.

¹ Суржик А. Иннокентий Вениаминов // Митрополит Иннокентий Вениаминов: Указание пути в Царствие небесное. Владивосток, 1990. С. 10.

² Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X — XX вв. М., 1992. С. 276—284.

³ Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.): К 200-летию образования Российско-Американской компании. Владивосток, 2001. С. 60.

⁴ Окладников А.П. От Анги до Уналашки: Удивительная судьба Ивана Попова // Вопр. истории. 1976. № 6. С. 127.

⁵ Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л., 1987.

⁶ Степанова М.В. Вениаминов как этнограф // Тр. Института этнографии АН СССР. Нов. сер. 1947. Т. 2; Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966; Арсеньев А.А. Этнографическое наследие И.Е. Вениаминова // Сов. этнография. 1979. № 5. С. 76—89; Петров В. Русские в истории Америки, М., 1991. С. 85—95 и др.

⁷ Дальневост. ученый. Владивосток, 1990. № 36 (октябрь).

⁸ Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983; Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. — 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток... С. 287—296; Шиндялов Н.А. Первый архиепископ на Амуре // Амурский краевед. Благовещенск, 1991. Вып. 1.

⁹ Барсуков И. Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, 1828 — 1855. СПб., 1897. С. 661.

¹⁰ Там же. С. 669.

¹¹ Там же. С. 169—170.

¹² Там же. С. 159.

¹³ Там же. С. 313—314.

¹⁴ Там же. С. 388—392.

¹⁵ Там же. С. 390—391.

¹⁶ См.: Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000.

¹⁷ Литвинцев К. Амурские сектанты: Молокане и духоборы // Христианское чтение. СПб., 1887. № 11—12. С. 672.

¹⁸ Ляпунова Р. «...Очень умен, знает много и не подавлен схоластику...» // Сев. просторы. 1993. № 1—2. С. 41.

¹⁹ Барсуков И. Письма... С. 89, 101—102.

²⁰ Там же. С. 126—127.

²¹ Там же. С. 133.

²² Шульгина Т.С. Бесценный источник // Россия и АТР. Владивосток. 1994. № 2. С. 52—62.

²³ Барсуков И. Письма... С. 103.

²⁴ Там же. С. 476.

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Там же. С. 472.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Титов Е. Пушкин — Сибирь — Америка // Сиб. огни. 1937. № 3. С. 113—126.

²⁹ Фетисова Л.Е. Святитель Иннокентий (Вениаминов) — современник Пушкина // Пушкин: Эпоха, культура, творчество: традиции и современность. Владивосток, 1999. Ч. 2. С. 157—161.

SUMMARY. «Saint Innocent (Veniaminov)» is the title of the article by Candidate of Philological Sciences Lidya Fetisova. The article is devoted to 205th anniversary of Metropolitan of Moscow and Colonna Innokentii. The author tells about the deeds of St. Innocent in the Far East, his care for christening of indigenous peoples. She describes him as a person, shows his relations with common people and authorities. The author advances a hypothesis that A.S. Pushkin was interested in St. Innocent deeds.